

THE FEMALE EMBODIMENT OF RATIONAL AND EMPIRICAL IN THE "KOZHOZHASH" KYRGYZ EPIC

S. Sh. Tursunaliyev

Institute of philosophy and political and legal studies of the NAS KR

Key words: rational, empiric, totemic, tragic, man, nature, fight, myth, sentimentality, epos.

Abstract. The article, for the first time, analyses the problem of woman rational and empiric embodiment in ancient Kyrgyz epos "Kozhozhash," which belong to oral fairy genre. The article are considered epistemological, axiological, ethical-aesthetic, common social-philosophical, life-practical using of rational and empiric in nomad culture of Kyrgyz people. In the context with totemic consciousness, problems of man's fight with nature, their world perception context, cause consequences and spiritual moral border-line are revealed. Essential features of the ancient woman consciousness are investigated brightly expressing reasonable and expressive aspects of intuitive and spontaneously dialectical thinking.

ЖЕНСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО И ЭМПИРИЧЕСКОГО В КЫРГЫЗСКОМ ЭПОСЕ "КОЖОЖАШ"

С. Ш. Турсуналиев

Институт философии и политико-правовых исследований НАН КР

Ключевые слова: рациональное, эмпирическое, тотемическое, трагическое, человек, природа, борьба, миф, sentimentalность, эпос.

Аннотация. В статье впервые анализируется проблема женского воплощения рационального и эмпирического в древнем кыргызском эпосе "Кожожаш", относящемся к устному сказовому жанру. Рассматриваются гносеологические и аксиологические, этико-эстетические аспекты жизненно-практического, семейно-бытового, социально-психологического и личностно-индивидуального применения рационального и эмпирического в кочевнической культуре кыргызов. В контексте с тотемическим сознанием, выявляются узловые вопросы борьбы человека и природы, их мировоззренческое содержание, причинно-следственные и духовно-нравственные грани. Исследуются важные стороны древнего женского сознания, ярко воспроизводящего разумные и чувственные аспекты интуитивного и стихийно-диалектического мышления.

Эпос "Кожожаш" является ярким примером тотемического осмысления мироздания, в котором мифологический пласт рационального и эмпирического воплощается сквозь призму непримиримой борьбы человека и природы, а затем их постепенного и эволюционного примирения. При этом свой емкий и оригинальный смысл обретают художественная архитектурка и философский катарсис сказания, наполненного острыми перипетиями, захватывающей композицией, контрастивной логикой мышления разных жизненных платформ персонажей. Ибо в данном эпосе оригинальным представляется буквально все: изолированность людского бытия, человеческий протест против природы, нестандартность жизненных коллизий, содержательная мощь темы человеческого одиночества.

Параллельно рассматривая рациональное в контексте с эмпирическим, мы постараемся строго следовать сюжетной канве сказания, тонко преподносящей величину образов и последовательность проблемных аспектов и углов в тематическом ракурсе. Своеобразие эпоса здесь заключается в том, что вначале повествования перед нами всплывают яркий женский характер. Так, Зулайка-дочь

Каракожо, ставшая впоследствии женой Кожожаша, становится первым персонажем, чей портрет глубоко раскрывается перед нами с точки зрения рационального содержания.

“Акылы бүтүн Зулайка”
Өз көөнүнө жакпаса,
Аламан сөзгө көнөбү” [1, с.84].

“Наполненная разумом Зулайка,
Коль ее сердцу не по нраву,
Не привыкнет бессмысленному слову” [2].

Данный фрагмент ярко иллюстрирует рациональный образ героини (“наполненная разумом Зулайка”), ставящей свой ум выше чувственных параметров (“коль ее сердцу не по нраву”) и словесных воздействий извне (“не привыкнет бессмысленному слову”). Данная характеристика героини дополняется многими синтаксическими конструкциями, синонимичными по смысловому направлению. В словосочетании “акылы толук” [1, с. 85], “эси бүтүн Зулайка” [1, с.188] (“наполненная разумом Зулайка”) мы наглядно видим цельный образ рассудительной девушки, строго относящейся к жизненным ценностям. Двустипшие “аял да болсо Зулайка, акылынын кыйыны” [1, с. 97]. (“хоть и девушка Зулайка, а сильна разумом”) лишний раз подчеркивает ее качественное свойство, обладающее силой духа и воли. Разумная сущность и непоколебимость рассматриваемого характера наблюдается в конструкции “акылы бар жан эле” [1, с.104] (“она разумное существо”), как знак ее благоразумия и сознательности. Признавая все эти достоинства Зулайки, гордый и упрямый Кожожаш вынужден обратиться к ней, чтобы та истолковала сон, который приснился ему.

“Түндөгү түшүм айтамын,
Зулайка сулуу жоруп бер...
Аял да болсоң Зулайка,
Акылың бар кеменгер” [1, с.105].

“Я расскажу про свой сон,
Красавица Зулайка, растолкуй его.
Хоть ты и девушка,
Ты все же разумная и мудрая”.

Зулайка, узнав про сон Кожожаша, в котором он истребляет козерогов и остается в гордом одиночестве, предвидит трагическую участь своего мужа. Она прозорливо аргументирует этот факт как недобрый знак, и предлагает навсегда оставить охотничье ремесло, прогнозируя неминуемую беду. Однако, Кожожаш ослушается ее совета после общения с местными аксакалами, которые уговаривают его заниматься охотой. И он снова безрассудно берет в руки ружье. Нетрудно догадаться, что параллельные сны Кожожаша и козерога Сурэчки тоже являются оригинальными гранями познавательного процесса древних кыргызов, в которых отражается реальная сущность главных персонажей. В этом плане, жизнь и сон как бы развиваются по общим правилам бытия, где теряется разница между ними, и они имеют свойство взаимно дополнять друг друга. Здесь уместно вспомнить, что Декарт, методологически рассматривая феномен сновидений, ничуть не отрицал их параллельное существование с действительностью. Философ считал, что сны напоминают нам рисованные картинки, с помощью которых воображение человека способно создавать образы вещей, существующих реально [3, с.17].

В дальнейшем разумный облик Зулайки удивляет нас новыми качествами. В конструкции “акылы бар зейрек” [1, с.135] доказывается многослойное содержание ее мудрости, выраженной в ее понятливости, смысленности, сообразительности, проницательности. Это дополняется конструкцией “акылдуу жандын билгири” [1, с.160], в которой героиня представлена как разумное создание, сведущее во всем. Более объемным потенциалом обладает выражение “акылы артык Зулайка” [1, с.193], в котором героиня рисуется с точки зрения превосходных разумных возможностей, имеющих избыточный характер. Наряду с этим, народное сознание высоко оценивает ее достоинства и в качестве невестки. Так, в словосочетании “кайран келин акылман” [1, с.188] воспроизводится образ милой жены сына, отличающейся своей мудростью и рассудительностью. Все эти рациональные характеристики Зулайки подтверждаются в верном и преданном служении Кожожашу, попытках уберечь его от гибели, героическом поиске мужа, когда он навсегда остался прикованным к высокой скалистой горе.

Вместе с тем, образ Зулайки окружен эмпирическим полотном, свидетельствующим о наличии чувственного мироощущения героини. Вначале эпоса она порой кажется холодной и равнодушной в сентиментальном смысле, однако при изменении и развитии фабулы повествования трансфор-

мируются и ее интонационно-экспрессивные и эмоционально-лирические порывы, когда она влюбляется в Кожожаша и соглашается выйти за него замуж.

“Ай жамалдуу Зулайка, Адис мерген жалгызды, Арзып сүйдү жактырып” [1, с.97].	“Луноликая Зулайка, Одинокого охотника, С желанием полюбила”.
--	---

Чувственное восприятие Зулайки, превратившееся в искреннюю любовь, следует здесь воспринимать как продолжение ее мудрости, поскольку она выбирала будущего супруга через строгие испытания, и многие претенденты не приходились ей по нраву. Но, увидев Кожожаша, она влюбляется сразу, хотя при посреднице Шабыр притворяется, что не выйдет замуж за одиночку-охотника. Сделав вид, что смотрит в книгу, впоследствии Зулайка дает свое согласие, найдя себе ровню. Как бы в подтверждение этого преподносится мотив душевной чистоты ее любви, которая воплощается в высказывании самой героини: “өмүрүм коштум жактырып” [1, с.96]. (“я соединила свою судьбу с любимым”). В смысловом контексте аналогичны конструкции “жүрөгү толкуп, тең көрүп” (“бушует сердце, нашедши ровню”), “арзып сүйдү жактырып” [1, с.97] (“довольна ее любовь, нашедши желанного”), “пейили сүйүп жактырып” [1, с. 102] (“чувство довольно, влюбившись”). Данные примеры позволяют нам понять, что понятия “судьба”, “любовь”, “сердце” становятся идентичными, лишняя раз доказывая о чувственно-любовном арсенале, крепком нраве и устойчивом жизненном кредо героини. Интересно, что после женитьбы эмоционально-возвышенная любовь Зулайки начинает менять поведение Кожожаша, который становится домашним и мирским субъектом, забывающим про свое охотничье ремесло.

“Эзилишип эки жаш, Эрчишип ойноп күлүшөт. Атып жүргөн мылтыгын, Кожожаш мерген унутту” [1, с. 103].	“Пылают двое молодых, Радуюсь и следуя друг за другом. Забыл про свое ружье Охотник Кожожаш”.
--	--

Однако, такой чувственный подъем героев быстро заканчивается, уступая место низменной реальности земной жизни. И особый эмпирический слой в эпосе начинают занимать внутренние переживания Зулайки, наполненные глубоким отчаянием, сентиментальной грустью, трагическим ощущением. Тут причина одна-охотничья страсть Кожожаша, которая в конце концов и приводит его к гибели. Через конструкцию “жүрөгү күйүп чок болду” [1, с. 136] метафорически передается душераздирающее восприятие героини, сердце которой “горит дотла” после того, как она узнает о желании мергена идти в горы за дичью. Следующий эпизод позволит нам в этом убедиться еще глубже.

“Койсоңчу, мерген, көңүлгө, Кой десем болбой асылып, Коштунбу жаның өлүмгө” [1, с.136].	“Оставь, охотник, то, Что чувству моему не мило, Ты к смерти положил душу свою”.
---	--

Как видим, заранее предвосхищая трагический финал судьбы Кожожаша, Зулайка отталкивается от эмпирических своих ощущений, которым жестокие действия мужа кажутся чуждыми и неприязненными (“чувству моему не мило”). И неумная охотничья страсть Кожожаша, по версии Зулайки, станет основной причиной его незавидной участи, уходящей своими корнями в чувственные параметры душевного состояния, приравненного к трагической жизненной концовке (“ведь ты к смерти положил душу свою”). В качестве дополнения к данному фрагменту служат конструкции “капаны башка чулгадың”, “кайгыртпа мендей жарыңды” [1, с. 137], в которых Зулайка с глубины чувственного восприятия исповедует о том, что Кожожаш окружил ее печалью и тоской, и просит супруга избавить ее от этих грустных представлений. Сентиментальными эмоциями, наполненными скорбью и горестью, воспроизводятся идентичные чувственные переживания Зулайки через конструкции “азапка жаның салбагын” (“не мучай свое сердце”), “кайгыны тартар жүрөгүм” [1, с. 138] (“мое сердце, переносящее скорбь”). Здесь мы слышим голос чувственной природы, для которой чужая доля воспринимается как собственное страдание, а субъективная боль приобретает все же примиренческую платформу. Синонимичны к этим словосочетаниям конструкции “көзүнөн жашын тыйбады” [1, с. 139] (“глаза ее наполнены

слезами”), “жүрөгү кардай эзилип”[1, с. 142]. (“сердце ее тает как снег”), в которых сентиментальное “зерно” героини выполняет доминирующую функцию, превосходящей по своим масштабам остальные формы проявления эмоционального состояния личности. В частности, это проявляется в душевной искренности, глубокой чувственности Зулайки, чей внутренний мир всецело поглощен трагическими представлениями, в которых ее сердце растворяется в холоде тоски и тревоги. Нетрудно догадаться, что именно подобную ситуативную характеристику имел в виду Гоббс, когда говорил о представлениях, возникающих при участии других чувств. Безусловно, перед нами уже не объект переживаний (Кожожаш), а субъект (Зулайка), имеющий чувственные качества, а, следовательно, «ощущающее существо»[4, с. 512-513].

Выводы. Таким образом, мы убедились, что женское осознание рационального и эмпирического в эпосе “Кожожаш” воплощается посредством проблемно-жизненных понятий и лексемных конструкций. Характерная особенность эмпирического заключается в субъективной природе, и выражается в строптиво-чувственной, сенсуально-гедонистической, природно-эмоциональной, сострадательно-трагической моделях, имеющих архетипы статики, динамики, естественности. Так, архетип статики передается через строптиво-чувственную модель, воспроизводящая неприятие несимпатичного (“өз көөнүнө жакпаса”-коль ее сердцу не по нраву”). Архетип динамики иллюстрируется сквозь призму сенсуально-гедонистической модели, выраженной в мотиве физической близости (“эзилишип эки жаш”-“пылают двое молодых”). Особенность архетипа естественности заключается в природно-эмоциональной модели, характерным признаком которой является сентиментальность женского характера (“жүрөгү толкуп, тең көрүп”-“бушует сердце, нашедши ровню”). Архетип естественности отражается посредством сострадательно-трагической модели, в которой женский образ глубоко чувствует плачевную участь другого индивида (“кайгыны тартар жүрөгүм”-“мое сердце, переносящее скорбь”). Рациональное также воплощается через синтаксические конструкции. Они носят в себе индивидуально-разумные, социально-проблемные, оценочно-позитивные модели, имеющие архетипы качества, оценки, легитимности. Архетип качества обладает индивидуально-разумной моделью, отражающейся в полноценно-умственном превосходстве индивида (“акылы артык Зулайка”-“избыточно-разумная Зулайка”). Архетип оценки выражается сквозь спектр оценочно-позитивной модели в контексте рассудочных привилегий женщины (“акылың бар кеменгер”-“ты все же разумная и мудрая”). Через социально-проблемную модель отражается архетип легитимности женского разума, осознающего глубоко трагедию другого индивида (“коштуңбу жаның өлүмгө”-“ты к смерти положил душу свою”). При этом особенность женского отражения рационального и эмпирического стихийно-диалектично, ибо опирается на интуитивно-природном осознании жизненных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кожожаш. – Б.: Шам, 1996. – С. 84. (цитируется по версии сказителя А. Үсөнбаева).
- [2] Здесь и далее перевод автора.
- [3] Декарт Р. Сочинения в 2 томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1989. – С. 17.
- [4] Гоббс Т. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1991. – Т. 1. – С. 512-513.

REFERENCES

- [1] Kozhozhsh. – B.: Sham, 1996. – S. 84. (citiruetjsja po versii skazitelja A. Ysonbaeva).
- [2] Zdes' i dalee perevod avtora.
- [3] Dekart R. Sochinenija v 2 tomah. – T. 2. – M.: Mysl', 1989. – S. 17.
- [4] Gobbs T. Sochinenija v 2 t. – M.: Mysl', 1991. – T. 1. – S. 512-513.

Поступила 23.10.2014 г.